

СОЗДАНИЕ ТАБЛИЦЫ ГОДЗЮОН – ВЕХА В ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
THE MAKING OF GOJUUN AS A MILESTONE IN THE HISTORY
OF THE JAPANESE LINGUISTICS

Ананьев Владимир Валерьевич, Табада Люсиллин Чу

Иркутский государственный университет

v_ananiev@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

Таблица годзюон, представляющая собой один из вариантов организации японского алфавита, широко известна как с практической точки зрения, так и в качестве примера применения научных основ такой организации. Несмотря на то, что её создание стало важным моментом в становлении японской лингвистической школы, ему уделено недостаточно внимания в работах по истории японского языка. Целью статьи является выявление особенностей формирования японской лингвистики, а также грамматологических процессов, отразившихся в процессе формирования таблицы годзюон. Выявлено, что теоретическую базу годзюон была разработана монахом Мёгаку в начале 11 в., который осуществил фонологический анализ японского языка, воспользовавшись достижениями санскритологии и китайской методикой фаньце.

Ключевые слова: японская азбука, годзюон, история японского языка, грамматология

Для цитирования: Ананьев В.В., Табада Л.Ч. Создание таблицы годзюон – веха в истории японской лингвистики. *Современные востоковедческие исследования.* 2020; 2(4): 10-19

ABSTRACT

The gojuun table, being one of the variants of organizing the Japanese alphabet, is widely known both from practical point of view and as an example of application of scientific foundations to such organization. Despite the fact that its creation became an important moment in the making of the Japanese linguistic tradition, it has received inadequate amount of attention in works on the history of the Japanese language. The purpose of this article is in singling out the characteristic features of development of the Japanese linguistics as well as those of grammatological processes which are reflected in the process of development of the gojuun table. The authors found out that the theoretical foundation for the gojuun was developed in the early 11th century by the monk named Myougaku, who had conducted a phonological analysis of the Japanese language using achievements of the Sanskrit studies and the Chinese fance method.

Keywords and phrases: Japanese syllabary, gojuun, history of Japanese, grammatology through reading and writing, lexical competence.

For citation: Anan'ev V.V., Tabada L.C. The Making of Gojuun as a Milestone in the History of the Japanese Linguistics. *Modern oriental studies.* 2020; 2(4): 10-19

ВВЕДЕНИЕ

Таблица годзюон (яп. 五十音図 годзю:ондзу букв. «схема пятидесяти звуков»), представляющая собой один из вариантов организации японского алфавита, известна всем японистам как с практической точки зрения, так и в качестве примера применения научных основ такой организации, её создание стало важным моментом в становлении японской лингвистической школы. В русскоязычных работах по истории японского языка [Сыромятников, 2002] или теории японской письменности [Маевский, 2000; Соколов, 1952; Штейнер, 2011] отмечается лишь, что она была создана под влиянием индийской лингвистической традиции. Целью статьи является выявление особенностей японской лингвокультуры, формирования японской лингвистики, а также грамматологических процессов, отразившихся в процессе формирования таблицы годзюон.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами послужили работы отечественных и японских исследователей в области истории японского языка, таких как Н.А. Сыромятников [2002а; 2002б], Х. Тоно [2010], истории Японии – А.Н. Мещерякова и М.В. Грачева, лингвокультурологии Японии – Т. Саката [1991], Е.С. Штейнера [2011], Ё. Ямагути [2015; 2016], а также труды по грамматологии И. Гельба [1963], Е.В. Маевского [2000], А.Н. Соколова [1952]. Базовыми методами послужили системный и сравнительный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Развитие фонетической подсистемы японской письменности представляет собой сово-

купность случайных факторов и целенаправленных действий, чувственного и логического начал. Начавшись с эпизодического применения иероглифов для записи слов по звучанию, оно продолжилось созданием и параллельным существованием двух азбук, каждая из которых имела достаточно произвольный состав до 1900 г. Более тысячи лет главным способом организации азбуки служили стихотворения-панграммы, несмотря на то, что почти столько же времени существовал и другой, основанный на строгом научном принципе – система годзюон.

При том, что использование письма в Японии началось лишь с приходом китайской иероглифики во второй четверти первого тысячелетия [Сыромятников, 2002а], быстро началось применение ее в качестве фонетических знаков для записи японских слов (в первую очередь имён собственных). Так, отмечается [История древней Японии, 2010, с. 136-137; Ямагути, 2016, с. 75], что являющаяся одним из старейших примеров применения письма в Японии надпись на мече из кургана Сакитама-Инарияма (датируется 471 г.), содержит имена людей, записанные фонетическим способом: 乎獲居 вовакэ, 意富比埜 охохико, 多加利足尼 такари-но сукунэ [Ямагути, 2016, с. 75]. В данном случае просматривается связь с корейской традицией, а именно – с употреблением иероглифов в качестве фонетических знаков, причем используются знаки, характерные для текстов государства Пэкче [Там же]. Собственно, этим перенесением корейского опыта и можно объяснить быстрое приспособление китайского письма к местным нуждам – механизм уже существовал.

Можно утверждать, что применение фонетической записи ко времени создания старейшего памятника японской письменности «Кодзики» (яп. 古事記 кодзики «Записи о делах древности», 721 г.) уже стало систематическим. Иероглифы используются без учета их значения, передавая только звучание, «для ряда отдельных слов, для всех имен и во всех стихотворениях, встречающихся в тексте» [Кодзики, 1994, с. 37]. Более того, недавние находки отодвигают сроки формирования системы фонетических знаков на более ранний период. Так, в 2006 г. при раскопках была обнаружена деревянная табличка моккан (яп. 木簡 моккан, служили средством переписки в административных целях, в качестве расписок и т.п.), иероглифы которой также выступают как фонетические знаки [最古の万葉仮名文]: 波留久佐乃皮斯米之刀斯, что читается как харукуса-но хасимэ-но тоси. Табличка, датируемая серединой 7 в. (не позже 652 г. [Там же]), сохранилась лишь частично, надпись рассматривается как начало стихотворения [日本最古の万葉仮名文木簡].

Такая система использования иероглифов в качестве фонетических знаков вне зависимости от их значения называется манъёгана (яп. 万葉仮名 манъё:гана) по названию антологии японской поэзии «Манъёсю» (яп. 万葉集 манъё:сю: «Собрание мириад листьев», 783 г.), хотя сейчас японские исследователи [最古の万葉仮名文] считают, что система сформировалась как минимум в конце 7 в. А с учетом вышеупомянутой моккан следует признать, что манъёгана опередила «Манъёсю» приблизительно на столетие.

Знаки в манъёгане использовались относительно произвольно, очевидно, главным кри-

терием было отражение фонетического состава слога (до конца 8 в. для передачи гласных *i* и *ï*, *e* и *ë*, *o* и *ö* применялись разные иероглифы), также учитывалось значение иероглифа – предпочитались знаки с положительным или хотя бы неотрицательным значением.

Азбука хирагана является результатом упрощения скорописных форм иероглифов манъёганы. Поскольку каждый слог мог записываться разными иероглифами, хирагана также представляла собой большую группу знаков, выбор которых был за пишущим до 1900 г., когда приказом министерства образования официально утверждался набор, устанавливающий соотношение один слог – один знак. Старейшим документом, сделанным на хирагане, на данный момент являются надписи на осколках посуды, обнаруженные при раскопках усадьбы аристократа и чиновника Фудзиварано Ёсими (яп. 藤原良相 фудзивара-но ёсими 813 – 867 гг.), исходя из годов его жизни и возможных обстоятельств создания надписи, год последнего определяют как «несколько ранее 867 г.» [京都で最古級の平仮名発見]. Однако широкое распространение хирагана получила с расцветом японской, в первую очередь – так называемой женской, литературы, т.е. в первой половине 10 в. [Ямагути, 2015, с. 110].

Хирагана до 20 в. не упорядочивалась на основе каких-либо теоретических принципов, вместо этого подвергаясь инвентаризации в поэтической форме, в виде стихотворений-панграмм. Очевидно, это можно связать с тем, что хирагана с самого начала использовалась в сфере неофициальной, даже неформальной коммуникации.

Одной из первых известных панграмм является «Амэцуги-ута» (яп. あめつち歌 амэцуги ута «песня неба и земли»), которая включала 48 знаков в связи с тем, что знак え повторяется, передавая, однако, разные звуки [Штейнер, 2011, с. 11]. «Амэцуги-ута» появилась в конце 9 – начале 10 в. и служила образцом при обучении письму [Саката, 1991, с. 589], а также «программой-рамкой для составления серий акротелестихов» [Штейнер, 2011, с. 11]. Однако затем она уступает место «Ироха-ута» (яп. いろは歌 ироха ута «песня и-ро-ха»), получившей наибольшую известность и исполнявшей роль алфавита до 1946 г. (для обозначения порядков пунктов списка может использоваться и сейчас). «Ироха-ута» содержит уже 47 знаков, отражая тот факт, что разница в произношении え исчезла. Содержание этого стихотворения и его место в японской культуре раскрываются в уже упомянутой работе Е.С. Штейнера [2011, с. 10-11]

Появление «Ироха-ута», иными словами – упорядочение хираганы (и даже ее создание), традиционно связывалось с именем монаха Кукай (яп. 空海 ку:кай «море пустоты», 774 – 835 гг.). Прямых доказательств, как подтверждающих, так и опровергающих это представление, нет, однако в период Мэйдзи в японских научных кругах установилась точка зрения, что «Ироха» была создана во второй половине 10 в. [Ямагути, 2015, с. 102]. Однако М. Окада выдвинул гипотезу о появлении её до 927 г. на основании того, что в составленном принцем Токиё (яп. 齊世親王 токиё синно:) санскритско-китайском словаре 梵漢相對抄 бонкансо:тайсё: статьи располагались в порядке слогов «Ироха-ута» [Там же].

Кукай, очевидно, обладал незаурядными лингвистическими способностями, овладев в Японии китайским языком, а затем, во время обучения в Китае, – санскритом. Он стал первым священнослужителем-японцем, обратившимся к индийским оригиналам буддийских текстов, до него изучение и проповедование буддизма происходило на основе китайских переводов. Достижения в различных областях сделали его настоящим культуртрегером своего времени, однако его заслуги [Сыромятников, 2002б, с. 36; Штейнер, 2011, с. 13] в области упорядочения азбук все же преувеличены.

Упорядочение азбуки на основе теоретических (лингвистических) принципов произошло на материале катаканы, что обусловлено целями ее применения и тем, кто ей в основном пользовался. Катакана возникла в монашеской среде как способ записи чтений иероглифов, которыми были написаны сутры, или пояснений смысла [Ямагути, 2015, с. 112], хотя, очевидно, способ этот был также принесен из Кореи. Как было сказано выше, корейцы пользовались иероглифами и их частями как фонетическим письмом, кроме того, до недавнего времени считавшийся японским изобретением способ нанесения знаков какухицу (яп. 角筆 какухицу букв. «угловатая кисть»), когда знак выдавливался рядом со строкой и был виден лишь под определенным углом, тоже начал применяться корейцами [Тоно, 2010]. Тем не менее сами знаки катаканы, представляющие собой части знаков манъёганы, были отобраны уже в Японии.

Судя по имеющимся данным, катакана несколько старше хираганы, хотя и не намного. Самым старым текстом с использованием катаканы

считается так называемый «черновик проповеди из Тодайдзи» (яп. 東大寺諷誦文稿 то:дайdzi фудзю монко:), время написания которого приходится на 824-834 гг. [Ямагути, 2016, с. 48].

И появление катаканы, и ее упорядочение стали следствиями необходимости японских буддистов работать с текстами, записанными иероглификой. Однако если использование фонетических знаков было решением технических задач, то создание алфавита представляет собой результат взаимодействия различных факторов, а также деятельности монахов, которых можно назвать санскритологами.

Изучением санскрита с целью получения возможности работать с индийскими первоисточниками, а не с их переводами на китайский первыми занялись Кукай и посетивший Китай одновременно с ним Сайтё (яп. 最澄 сайтё: букв. «высшая ясность», 767 – 822 гг.). Кукай, после поездки в Китай 804 – 806 гг. основавший секту Сингон (яп. 真言 сингон «истинное слово»), в 814 г. завершил санскритско-японский словарь 梵字悉曇字母并积義 бондзи ситтан дзимо нараби-ни сякуги «Таблица санскритских знаков сидхам и толкование смыслов» [Ямагути, 2015, с. 120]. Однако научные изыскания в сфере санскритологии с большим успехом продолжались по линии секты тэндай (яп. 天台 тэндай от названия горы Тяньтай в Китае), основанной Сайтё.

Изучение санскрита было необходимо в первую очередь для решения теологических задач: чтения и понимания сутр. Однако знакомство с ним, а также с достижениями индийской лингвистики дало также представление о существовании отдельных звуков. Как писал еще основатель грамматики Гельб [1963],

осознание того, что речь можно делить на отдельные звуки, и переход к отражению их на письме представляет собой большое открытие, и не все народы его совершали. С учетом того, что для японского языка характерны открытые слоги, число которых не так уж велико и которые достаточно удобно записывать знаками слоговой азбуки, японцы, скорее всего, сами этого открытия не совершили бы.

В то же время монахи изучали китайские иероглифы, как с формальной стороны, так и проблему чтений. К середине эпохи Хэйан японцы импортировали по несколько вариантов чтений иероглифов в связи с изменениями в политической жизни Китая, а именно – сменой династий и столиц, и соответственно диалектов, игравших роль официального языка и, таким образом, источника нормативных чтений.

Таким образом, японские монахи, с одной стороны, накапливали знания как непосредственно о санскрите и китайском языке, так и лингвистических теориях и методах анализа, с другой – наблюдали за собственным языком. Так, в 880 г. Аннэн (яп. 安然 аннэн «спокойствие») завершает труд 悉曇藏 ситтандзо: «Кладовая санскрита», который представляет собой хрестоматию по санскритологии с комментариями и замечаниями самого Аннэна, а также включает сведения по китайской фонологии. Кроме того, Аннэн отмечает, что для записи японской речи можно использовать деванагари [Ямагути, 2015, с. 120].

Из китайской фонологии японские монахи-ученые заимствовали и активно применяли методику фаньце (кит. 反切 фаньце), которая была разработана для объяснения чтения иероглифов с опорой на более употребимые и потому

известные. Ее суть состоит в том, что слог делится на инициаль (начальный согласный), медиаль, т.е. полугласный перед слогаобразующим гласным, и финаль (остальную часть слога со слогаобразующим гласным). Методика такого анализа станет одной из основ появления таблицы годзюон.

Первая известная на сегодняшний день попытка организации азбуки была сделана в труде «Чтение и значение сутры бодхисатвы Махамаюри» (яп. 孔雀經音義 кудзяку-кё: онги), написанном в начале 11 в. В состав алфавита включены всего 40 знаков, представленных в виде текста: 口四 ки КИ ки コ ко Ка ка ケ кэ ку 四 си シ си ソ со Са са Се сэ Сс су 知 ти ЧИ ти ト то Та та テ тэ Тц цу 己 и И и ヨ ё Я я Э э (е) Ю ю 味 ми ミ ми Мо мо マ ма Мэ м му 比 фи ヒ фи 弁 ви Хо хо ヲ во Ха ха へ фэ Э вэ フ фу У у (ву) 利 ри リ ри ロ ро ㇿ ра ㇻ рэ ㇼ ру. В этом варианте отсутствуют знаки для отдельных гласных, зато наличествуют все пять слогов, начинающихся звуком «й». Ряды, начинающиеся знаками ㇻ фи и ㇼ ви в оригинале даны параллельными строками после иероглифа 比 фи [Ямагути, 2015, с. 117].

Следующий по времени вариант появился в аналогичном комментарии к сутре – «Чтение и значение сутры золотого блеска» (яп. 金光明最勝王經音義 конко:мё: сайсё:о:кё: онги), датированном 1079 г. В этом алфавите, называемом «Пять звуков» (яп. 五音 гоин) приводится 47 знаков, которыми записываются 50 слогов: есть знаки для отдельных гласных, знак ㇻ используется как для обозначения слога фу, так

и ву, слоги е и йи передаются знаками ㇼ и ㇽ, соответственно. Ряды даны в следующем порядке начальных согласных: р, н, м, затем ряд букв для гласных, в, й, ф, т, к, с. Гласные внутри ряда идут в порядке: а, э, о, у, и [Ямагути, 2015, с. 116].

Наконец, в 1093 г. появляется труд монаха секты тэндай Мёгаку (яп. 明覚 мё:гаку/ мё:каку, иногда мэйкаку букв. «светлое восприятие», 1056 – ?) «Способ разделения звуков» (яп. 反音作法 ханъон (тж. ханнон) сахо:). В этой работе Мёгаку впервые представляет алфавит в виде таблицы, имеющей строгую организацию. Порядок гласных, определяющий расположение знаков в рядах, соответствует порядку гласных в деванагари за исключением долгих звуков и звуков, отсутствующих в японском языке: а, и, у, э, о. Тот же принцип применяется и для согласных. Автор обосновывает причину следования рядов местом производства звука: сначала идут гласные, поскольку при их произнесении не создается никакой преграды, звуки к и й порождаются гортанью, с – зубами, т, н и р – языком, ф, м и в – губами [Ямагути, 2015, с. 125-127].

Необходимость создания такой таблицы была вызвана, во-первых, общей для санскритологических работ целью – потребностью научить желающих читать сутры, написанных санскритом или на китайском, во-вторых, увеличением вариантов прочтений иероглифов и невозможностью применить методику фаньце.

Однако здесь обнаруживается еще один интересный момент: в отличие от многих ученых монахов, проживавших поблизости от столицы и практически не сталкивавшихся с иными диалектами, Мёгаку был настоятелем храма

Якуоин-онсэндзи (яп. 薬王院温泉寺) в области Кага (яп. 加賀, ныне город Кага префектуры Исикава). Благодаря близости к Корейскому полуострову, в то время это был один из районов, через которые шла торговля с Китаем и Кореей, и одновременно – где базировались японские морские торговцы, чьи суда служили средством сообщения между разными областями Японии. Как следствие Мёгаку наблюдал разницу в произношении между жителями разных районов страны и отмечал различные фонетические явления, например, назализацию гласных после н (переход к каннон от канъон в имени богини 觀音), выпадение к в интервокальной позиции (кикитэ → кийтэ), смешение носовых согласных (мино → нино) и др. [Ямагути, 2015, с. 127-128].

Для того чтобы обеспечить правильное прочтение священных текстов в такой языковой ситуации Мёгаку предлагал опираться не на иероглифы (которые не несут указания на чтение), а на знаки азбуки. Более того, чтобы не возникло ошибок или разных толкований самих знаков азбуки, он дал описание каждого слога, используя методику фаньце, но уже на японском материале. Все знаки, обозначающие слоги, которые начинаются с согласных, описаны следующим образом: カ ка (ク ку ア а) キ ки (ク ку イ и) ク ку (ク ку ウ у) ケ кэ (ク ку エ э) コ ко (ク ку オ о) и т.д. Слоги в скобках показывают, что от первого из них берется согласный звук (инициаль), второй обозначает гласный (финаль).

Таким образом японский язык получил алфавит, основанный на строго научных принципах, более того, он оказался в одном шаге от

изобретения фонографического письма, но шаг этот так и не был сделан в связи с особенностями японской фонетики, которая не требовала фонографии. Современный порядок расположения знаков был предложен в 1682 г. санскритологами-последователями Мёгаку, которые внесли изменения, более точно определив характер соответствующих звуков [Ямагути, 2015, с. 154].

Особенности лингвокультуры в целом (предпочтение образного, чувственного мышления логическому) и графической культуры в частности (использование преимущественно иероглифики в сфере официальной коммуникации и хираганы – в литературе) отодвинули начало широкого применения алфавита годзюон до середины 20 в., к которой в Японии под влиянием Запада уже укрепился рационализм.

ВЫВОДЫ

Появление таблицы годзюон стало результатом взаимодействия различных факторов: изменением системы гласных звуков японского языка к 11 в. и сближением ее с системой гласных санскрита, повышением уровня научного знания в монашеской среде и накоплении лингвистических материалов (касательно санскрита, китайского языка и китайской иероглифики, а также самого японского языка).

Перенесение Мёгаку метода фаньце на японский материал и применение знаний о фонологии санскрита стало важным шагом в развитии японской лингвистической традиции. В основу алфавита годзюон лег его фонологический анализ японского языка, при этом алфавит зафиксировал дескриптивную — и отчасти прескриптивную (в области чтения сутр) — норму японского языка.

Создание алфавита следует также рассматривать как шаг в фонетизации письма, происходившей в ту эпоху. С теоретической точки зрения открывалась возможность перехода от силлабического письма к фонографическому, т.к. слоги разделялись на составляющие («согласный + гласный»). То, что эта возможность не реализовалась, объясняется отсутствием практической необходимости, обусловленным фонетическим строем японского языка (практическим отсутствием закрытых слогов и стечений согласных).

С прикладной точки зрения язык получил основанную на логическом принципе (в противовес «чувственной» организации стихотворений-панграмм) организацию азбуки, которая используется и по сей день, войдя в широкий обиход со второй половины 20 в.

ЛИТЕРАТУРА

1. История древней Японии : Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачев М.В. М., 2010. 544 с. : ил.
2. Кодзики – Записи о деяниях древности / Пер., коммент. Е.М. Пинус. СПб., 1993. 320 с.
3. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка / изд. 2-е, стер. М., 2000. 176 с.: ил.
4. Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. 2-е изд. М., 2002. 176 с.
5. Сыромятников Н.А. Классический японский язык / отв. ред. И.Ф. Вардуль. 2-е изд. М., 2002. 152 с.
6. Штейнер Е.С. Аура азбуки: кириллическое «глаголь: добро есть» и японское «красота увяла вся» // Культура и искусство : журнал. 2011. № 2(2). С. 7–13.
7. Gelb, I.J. A Study of Writing. Chicago, 1963. 311 p.
8. Кё:то-дэ сайкокою:-но хирагана хаккэн. Сюцудо-но докихэн-ни [В Киото обнаружена древнейший [образец] хираганы. На обломках посуды [во время] раскопок] // Нихон кэйдзай симбунся [Газета «Нихон кэйдзай»]. 28.11.2012. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG2804H_Y2A121C1CR8000/?dg=1 (дата обращения: 25.06.2020).
9. Нихон сайко-но манъёганабун моккан [Деревянная табличка с древнейшим в Японии текстом на манъёгане] // О:сака рэкиси хакубуцукан [Музей истории Осака]. 25.06.2014. URL: [http://www.mus-his.city.osaka.jp/news/2006/tenjigae/070226.html#:~:text=日本最古の万葉仮名文字簡,-\(H26.6.25更新&text=昨年9月、難波宮,最古のものです。\(дата обращения: 27.06.2020\)](http://www.mus-his.city.osaka.jp/news/2006/tenjigae/070226.html#:~:text=日本最古の万葉仮名文字簡,-(H26.6.25更新&text=昨年9月、難波宮,最古のものです。(дата обращения: 27.06.2020)).
10. Сайко-но манъёганабун, 7 сэйки накаба-но моккан-ни. Сэйрицу 30 нэн хаямару [Древнейший текст на манъёгане на деревянной табличке 7 века. [Срок] формирования передвинут на 30 лет назад] // Асахи симбун [Газета «Асахи»]. 20.10.2006. URL: <http://www.asahi.com/edu/nie/kiji/kiji/TKY200610200258.html> (дата обращения: 24.06.2020).
11. Саката Т. Тэндзику-но котоба, Нихон-но годзю:он. Бунка сэссёку-ни окэру сэнтаку то до:ка-но ё:тай [Индийский язык,

- японский годзюон. Ситуация выбора и ассимиляции в соприкосновении культур] // Нихон онкё:гаккайси [Журнал Акустического общества Японии]. 1991. 47 кан 8 го: [Т. 47, №8]. Р. 588 – 595.
12. То:но Х. Сё-но кодайси [История древних писаний]. Токио, 2010. 218 p.
 13. Ямагути Ё. «Хирагана»-но тандзё: [Рождение хираганы]. Токио, 2016. 239 p.
 14. Ямагути Ё. Нихонго-но кисэки. «А и у э о» то «ироха»-но хацумэй [Пути японского языка. Изобретение алфавита и «ироха»]. Токио, 2015. 185 p.
- BIBLIOGRAPHIC REFERENCES**
1. Meshcheryakov A.N., Grachyov M.V. (2010) Istorija drevnei Japonii : Uchebnoje posobie dlja vuzov [A History of Ancient Japan: Textbook for Universities] / Moscow: Natalis. 544 p. (Eastern Collection).
 2. Kodziki – Zapisi o dejanijah drevnosti [Kojiki – Scrolls of Deeds of Old] (1993) / Translation and commentary by E.M. Pinus. Saint-Petersburg: SHAR. 320 p.
 3. Maevskiy E.V. (2000) Graficheskaja stilistika japonskogo jazyka / izd. 2-e, ster. [Graphic Stylistics of the Japanese Language / 2nd edition]. Moscow: Muravei-Guide. 176 p.
 4. Syromjatnikov N.A. (2002) Drevnejaponskij jazyk. 2-e izd. [Old Japanese. 2nd edition]. Moscow: Vostochnaja literatura. 176 p.
 5. Syromjatnikov N.A. (2002) Klassicheskij japonskij jazyk [The Classic Japanese Language] / Otv. red. I.F. Vardul. 2-e izd. [Edited by I.F. Vardul. 2nd edition]. Moscow: Vos-
 - tochnaja literatura. 176 p
 6. Steiner E.S. (2011) Aura azbuki: kirillicheskoje “glagolj: dobro jest” i japonskoje “krasota uvjala vsja” [The Aura of the Alphabet: Cyrillic “Speak: There Is Good” and Japanese “Beauty Has All Gone”] // Kultura i iskusstvo: zhurnal [Culture and Art: the Journal]. 2(2). P. 7–13.
 7. Gelb, I.J. (1963) A Study of Writing. Chicago: The University of Chicago Press. 311 p.
 8. Kyoto de saikokyuu no hiragana hakken. Shutsudo no dokihen ni [Oldest Hiragana Found in Kyoto. Written on Shards of Pottery] // Nihon Keizai shimbunsha [Nihon Keizai Newspaper]. 11/28/2012. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG2804H_Y2A121C1CR8000/?dg=1 (accessed: 06/25/2020).
 9. Nihon saiko no man'yoganabun mokkan [The Oldest in Japan Mokkan with a Text in Man'yogana] // Oosaka rekishi hakubutsukan [Osaka History Museum]. 06/25/2014. URL: [http://www.museum.city.osaka.jp/news/2006/tenjigae/070226.html#:~:text=日本最古の万葉仮名文木簡,-\(H26.6.25更新&text=昨年9月、難波宮,最古のものです。\(accessed: 06/27/2020\).](http://www.museum.city.osaka.jp/news/2006/tenjigae/070226.html#:~:text=日本最古の万葉仮名文木簡,-(H26.6.25更新&text=昨年9月、難波宮,最古のものです。(accessed: 06/27/2020).)
 10. Saiko no man'yoganabun, 7 seiki nakaba no mokkan ni. Seiritsu 30 nen hayamaru [The Oldest Text in Man'yogana, on a Mokkan from the Mid-7th Century. Development 30 Years Earlier] // Asahi Shimbun [Asahi Newspaper]. 10/20/2006. URL: <http://>

www.asahi.com/edu/nie/kiji/kiji/
TKY200610200258.html (accessed:
24.06.2020).

11. Sakata T. (1991) Tenjiku no kotoba, Nihon no gojuuon. Bunka sesshoku ni okeru sentaku to douka no youtai [Contribution of Classical Indian Phonological System to the Formation of the Japanese Writing System] // Nihon onkyougakkaishi [Journal Of The Acoustical Society Of Japan]. 47 (8). P. 588–595.
12. Touno H. (2010) Sho no kodaishi [An Ancient History of Writing]. Tokyo: Iwanami Shoten. 218 p.
13. Yamaguchi Y. (2016) <Hiragana> no tanjou [Birth of Hiragana]. Tokyo: KADOKAWA. 239 p.
14. Yamaguchi Y. (2015) Nihongo no kiseki. <A i u e o> to <iroha> no hatsumei [The Path of the Japanese Language. Invention of <a i u e o> and <hiragana>]. Tokyo: Shinchousha. 185 p.

664025, Иркутск, ул. Ленина, 8
Россия
lucillyne@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Senior Lecturer, MA **Vladimir Anan'ev**
Department of Oriental and Asia-Pacific Regional
Studies
Irkutsk State University
664025, Irkutsk, Lenin St., 8
Russia
v_ananiev@hotmail.com

Senior Lecturer, MA Lucillyne **C. Tabada**
Department of Oriental and Asia-Pacific Regional
Studies
Irkutsk State University
664025, Irkutsk, Lenin St., 8
Russia
lucillyne@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Старший преподаватель, магистр **Ананьев Влади-
мир Валерьевич**

Кафедра востоковедения и регионоведения
АТР
Иркутский государственный университет
664025, Иркутск, ул. Ленина, 8
Россия
v_ananiev@hotmail.com

Старший преподаватель, магистр **Табада
Люсиллин Чу**

Кафедра востоковедения и регионоведения
АТР
Иркутский государственный университет

Принята к публикации: 01.08.2020

Submission Date: 05.08.2020